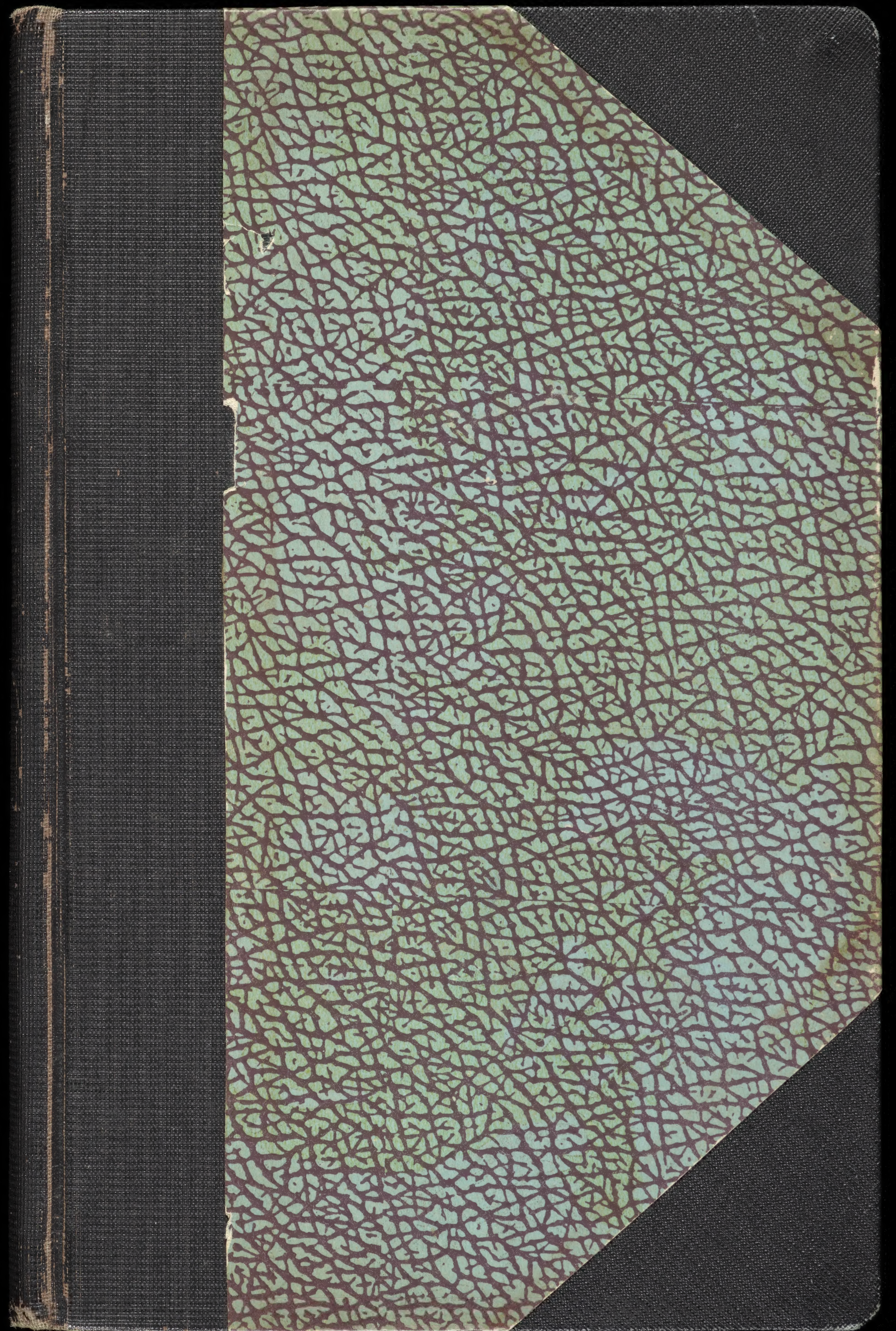

футуристы

„Гилея“ Сборникъ.

МОЛОКО КОБЫЛИЦЪ

(мирсконца)

Рисунки
Стихи
Проза

Александра Экстеръ.
Хлѣбниковъ.
Бурлюки: Давидъ,
Владиміръ, Николай.
А. Крученыхъ.
Б. Лившицъ.
В. Маяковскій.
Игорь Сѣверянинъ.
В. Каменскій.

МОСКВА.
1914 г.

Футуристы

„Гилея“ Сборникъ.

МОЛОКО КОБЫЛИЦЪ

Рисунки
Стихи
Проза

Александра Экстеръ.
Хлѣбниковъ.
Бурлюки: Давидъ, Владимiръ, Николай.
А. Крученыхъ.
Б. Лившицъ.
В. Маяковскiй.
Игорь Сѣверянинъ.
В. Каменскiй.

МОСКВА.
1914 г.

Велимiръ

Хлѣбниковъ.

Велимiръ

Хлѣбниковъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

изъ одного письма Велиміра Хлѣбникова:

Дорогой Вячеславъ Ивановичъ!

Я задался вопросомъ не время-ли дать Вамъ очеркъ моихъ работъ, разнообразіемъ и разбросанностью которыхъ я отчасти утомленъ. Мнѣ иногда казалось, что если-бы души великихъ усопшихъ были обречены, какъ возможности, скитаться въ этомъ мірѣ, то онѣ, утомленныя ничтожествомъ другихъ людей, должны были избирать какъ островъ душу одного человѣка, чтобы отдохнуть и перевоплотиться въ ней. Такимъ образомъ душа одного человѣка можетъ казаться цѣлымъ собраніемъ великихъ тѣней. Но если островъ возвышающійся надъ волнами нѣсколько тѣсенъ, то не удивительно, если онѣ время отъ времени сталкиваютъ одного изъ безсмертныхъ опять въ воду. И такимъ образомъ составъ великихъ постоянно мѣняется. Но къ дѣлу!

Уже Бисмаркъ и Оствальдъ были отчасти русскими. Мы переживаемъ время „сѣчи и натиска“. Собственно европейская наука смѣняется наукой материка. Человѣкъ материка выше человѣка лукоморья и больше видитъ. Вотъ почему въ ростѣ науки предвидится пласть— Азійскій, слабо намѣчаемый и сей-часъ. Было-бы желательно чтобы часть ударовъ молота въ этой кузнѣ *Новаго Вѣка* принадлежала русскимъ. Но русскіе нѣсколько холодны къ подвигамъ своихъ соотчичей и не заботятся о первенствѣ. Я вообще сомнѣваюсь, чтобы въ Россіи можно было что нибудь напечатать кромѣ переводовъ и подражаній . . . . . .

. . . . . :—Я нѣгѣишна нѣгута смѣявистая смѣявица
Милыхъ нѣгочей зову вы бѣгите ко мнѣ
Рѣзвой стопой милачи любцы меня
Теплорукой золотистой косохвостомъ
—Я милошъ къ тебѣ бѣгу
Я милыню тѣла алчу.

Старикъ:—добро къ себѣ, мечи къ врагамъ
Лелиря въ видирѣ идя
Я зову за васъ бѣжать
Да на коняхъ страсти сидя
Нивы страсти жать.
. . . .

Когда рога оленя подымаются надъ зеленью
Они кажутся засохшее дерево
Когда Сердце божіе обнажено въ словахъ
Баютъ: онъ безуменъ.

А. Осиновый скукъ колъ
Вошелъ въ видѣніе подъ гробомъ
И соритъ лучшая изъ куколъ
Труху разсыпанную зобомъ.

В. Мои глаза бредутъ какъ осень
По лицъ чужимъ полямъ
Но я хочу сказать вамъ міра осямъ
„Не позволямъ"
Хотѣлъ бы шляхтичемъ на сеймѣ
Руку положивъ на рукоятку сабли
Тому, отсвѣтъ желаній чей мы
Крикнуть, чтобъ узы воль ослабли.
Такъ ясновельможный панъ Сапѣга
Въ гнѣвѣ изумленномъ возростая
Видитъ какъ на плечо бѣлѣе снѣга
Мѣха надѣты горностая.....
. . . .

ПА ЛЮДИ

Погода по гȯда Сѣни

Птица стемясь въ высь
Летитъ къ небу
Панна стремясь въ высь
Носитъ высокіе каблуки
Когда у меня нѣтъ обуви
Я иду на рынокъ и покупаю ее
Когда у кого нибудь нѣтъ носу
Онъ покупаетъ воску
Когда у народа нѣтъ души
Онъ идетъ къ сосѣднему
И за плату пріобрѣтаетъ ее
Онъ лишенный души!...

Пѣснь Мірязя.

Написано 1907 году.
(Продолженіе).

(„См. Пощечину Общественному Вкусу“).

Синатое небо. Синючія воды, Краснючія сосны; нагія... чьи локтероги тѣла.

Зеленовохвостый передѣвичій змѣй. Море зыбейная чешуя.

Нагавый кудрявый ребенокъ. Чья ладонь—тѣлокудря на зарѣ.

Пронизающія материнскій домъ во взорахъ дѣвушки, чье рядно и одѣймо небесаты голубевомъ тихомирятъ ребенка.

И умнядь толпоногая

И утроликая ночетѣлая тѣломъ днерукая дѣвушка.

И на гудно зова летитъ умиралый злодѣй и казнитъ сонъ и милуетъ явь.

Наступили учины; смерть училась быть жизнью, имѣть губы и носъ.

И утроликъ и ясью взоратъ онъ.

И яснота синихъ глазъ.

И веселоша емлетъ свирѣль изъ пука игралей.

И славноша думновзоренъ.

И смѣхъ лилъ ручьемъ. Смѣхливелъ текучій.

И ясноша взорами чаровалъ всѣхъ. И насъ и женянокъ.

Дебрявая чаща мукъ

И мугоба во взорахъ ясавицы.

И читая рѣзьмо лѣшаго прочли: сила видѣть бога, безъ закопченнаго стекла, ваше сердце желѣзо копья,

И рѣзакъ заглядывалъ тонкимъ звѣринымъ лицомъ черезъ плечо.

И моя неинь сердитючія дѣлала глаза и шествовала воркуя якъ голубь, вспять. И гробъ, одѣвъ времяклювый и очки, о, гробастое поле съ усердіемъ читалъ. „Способъ воздѣлыванія и робы вкусныхъ овощей".

Рѣзьмодѣй-же побѣгъ за берестой содѣять новое письмо

О сами трепетнымъ ухомъ къ матери сырой землѣ!

Не передовѣряйте никому: можетъ быть старъ, можетъ быть глухъ, можетъ быть врагъ, можетъ быть рабъ... О вникайте въ топотъ дальнихъ коней!

И сами выхчія звѣзды согласны были.

И въ глазахъ несли любязи голубыя повязки, младшій-же братъ согнувшись, ковалъ широкій мечь, чтобы было на что опереться требуя выдѣла. И взялъ взываль и взывалъ къ знобѣ и чтобѣ сильныхъ быть силачемъ. И засвирѣль была легка и узывна; пьянила,

И въ мыслокѣ силь затерялся, я, мень.

И давучая клики нѣмда была безжалостно растоптана конями чужаковъ... безъ узды и безъ наѣздниковъ.

И ясивый звѣздный взоръ.

И, взявъ за руку повелъ въ гордешницу: здѣсь висѣли ясные лики предковъ. О землѣ родущей моленья, и небомѣхій звѣрь и будущеглавая ясавица, и „голубчикъ" міроперый и „спасибо" величиной-ли съ воробышка, величиной-ли съ голубя, величиной-ли съ вселенную?

И спасиборогій волъ и вселеннохвостая (увы: есть и такая) кошка

И все лишь ступогъ къ имени даже ночная вселенная.

И голубой беззвучно скользнулъ таень.

И сонняга и соняжеская мечта овсеннѣлымъ. И сонязевъ рокъ—узнать явь.

И соннязь бросаетъ всеннѣющую тѣнь надъ всѣмъ, и земь, воздухъ, бралъ струнами, подсобниками въ тумманныхъ дѣлахъ славянина.

И не устаетъ меня плѣнять, мая, маень, и я тихая грустная вѣсть міра съ сирымъ, бѣдучимъ взоромъ.

И въ звучешницѣ верховенство взяли гусли.

Ахъ, прошла красивѣя, плѣняя насъ: Не забыть!

И въ проживъ отъ устоя рода до мородстоя плыли мары яснева хмары. И небѣе неба славянская дѣвушка.

И ярозеленючая кружавица, овѣваемая и нагучая локтями и палешницей и нагѣющая и нѣгѣющая полуразверзетыми безстыдными устами и мертлявая полузакрытыми глазами.

И тѣневой забочій и котелкоувѣтная сѣрейная лужайка и зыбкая и зыбучая на ней плясавица. И хвостозеленовый и передодѣвичій подъ вѣткой легъ змѣй и вѣхчій смѣхомъ вѣкъ стариканьши. И трое бѣлыхъ стоемъ, полукругомъ на синевѣ, у зеленева. О пожаро-косичный, темохвостый куръ!

И мучины страдязя и бой юнязя. Хоробровъ буй, буй юника.

И юнежь всклекотала, и юникане прозорливыми улыбками засмѣялись.

И юнежеустая коекогда правда. И любавица и бѣгуша въ сны двоимя спимые ты была голубошъ крыла.

И игрецъ въ свирѣль и дружба мечты. И святочь юнвовзорый.

И вселенатые гривой кони и палица у глазъ; двѣ раздѣленные днемъ ночи. Смѣхдометъ изъ мальчишеской свирѣли и безсильные запереть смѣхъ уста. И смѣхучій видъ старца; несъ въ мѣшкѣ вѣчность.

И давчій красу и любу—отнялъ. И заведенные часы

И деблы слетались, деблиныя велись рѣчи.

И ясно было тихо. И яро.

И грясло ясна на небо. И хохотуха съ смѣлый лицомъ пролетѣла по ясневу.

Сумракъ и мгла — два любна меня.
Красивѣйно рядится душа въ эти рядна

И въ вѣнкѣ дружества, пчель пророкъ

И дымва зыбетѣлая дѣлаетъ лики и кажетъ роги.

И взоролапая снѣдь

И улыбальями голубьянноперыми завернулись, смѣючись, нѣмницы. И умнота и сумнота голубыхъ очей голубого села радостна.

И шли знатцы. И безумноклювыя сорвались личины

И повязанные слѣпинами и нѣминами шествовали кроткіе бухи.

И небесючая небесва никла голосами долу слухчему.

И плыли небеснатости рокотомъ.

И Мещей добрядиннаго пути.

И разверзетые бездны уста. Любноперый птица морокъ.

„Умунъ“ ты нашъ баяли зори

И соколомъ — тучевомъ взлетѣлъ къ ясямъ неонъ.

Дядя Боря на ноги надѣлъ вѣчностяные сапожки, на голову темя пернатую солнцемъ шляпу. Но и здѣсь съ люлькою не разстался.

И голубьмо неба не таяло и не исчезало.

И дѣло мовевая и золотучія — золотвянныя струны; и звучмо его нѣжныхъ звенѣющихъ нѣжно рукъ и смѣхотва неясныхъ устъ, нѣготливыхъ, милоши смѣхотливыхъ, улыбчивыхъ.

И улыбчивянный брегъ и печальныя струи, и веселыя березки по брегу по высокому, и дикіе печальные стволы.

И грозы и нѣмва изъ тростниковъ бѣлюси лики кажетъ. И празднико языковый конь.

И ваймо и ваяльня слэзъ, тамъ ваймодѣй и каменская псивь.

И вашу и улыбково грустныя и волосатый старецъ, и дѣвопѣси въ синихъ чертахъ. И груда дѣлоговъ мертворукаго мертвобописца и духомъ повѣяло надъ письмобой и письмежомъ уже

И лѣпьмо и лѣпежъ и грустящій грустень въ грустинахъ и грустинникъ съ всегда грустными печальными глазами и любучій — любучій груститель взглядъ жаркихъ любокихъ вѣждъ; но уста — садокъ нѣмвянокъ и порхучая въ немъ нѣмва

И всенѣлъ чей-то юный ликъ.

И земва и небесва негасючимъ шепотомъ перешептывались и многозвугодье и инозвучобица звучобо особь

Скакотствуетъ плясавица вокругъ весенняго цвѣтка.

Но нѣмотствуютъ люди:

АЛФЕРОВО

Не мало славныхъ полководцевъ
Сказавшихъ „счастливъ" умирая
Зналъ родъ старинныхъ новгородцевъ
Въ потомкѣ гордомъ догорая.

На бѣломъ мохнатомъ конѣ
Тотъ въ Польшѣ разбилъ короля.
Побѣды коварны онѣ
Надъ прежнимъ любимцемъ шаля.

Тотъ сидѣлъ подъ старой липой
Побѣдитель въ Измаилѣ.
И склоненъ надъ приказовъ бумажною кипой
Шепталъ умирая „мы побѣдили!"

Надъ пропастью дядя скакалъ
Когда русскіе брали Гунибъ.
И отъ раны татарскою шашкой стекалъ
Ручей.—Онъ погибъ.

То бобыли, то масть вороная
Подъ гулкій звонъ подковъ
Носила сѣдоковъ
Вдоль берега Дуная.

Конюшенъ дѣдовскихъ копыта
Шагами русская держава
Была походами покрыта
Товарищами славы.

Тотъ на востокѣ служилъ
И отъ пули смертельной не сдѣлавъ изгиба
Руку на сердце свое положилъ
И врагу, улыбаясь, молвилъ: „спасибо".

Теперь родовыхъ его имѣній
Горятъ дворцы и хутора,
Ряды усадебныхъ строеній
Всю ночь горѣли до утра.

Но преданъ прадѣдовскимъ устоямъ
Завѣтовъ стражъ отцовъ
Онъ ходитъ по покоямъ
И теребитъ концы усовъ.

Въ созвѣздье ихъ войдетъ онъ самъ!
Избранники столицы.
Нахмуривъ свои лица,
Глядятъ изъ старыхъ рамъ.

Сельская дружба.

Какъ тѣ видѣнья тихихъ водъ,
Что исчезаютъ, лишь я брызну.
Какъ голосъ чей то въ бѣдствій годъ:
„Пастушка, встань, спаси отчизну."
Видъ спора молній съ жизнью мушки
Сокрытъ въ твоихъ красивыхъ взорахъ
И передъ дланію пастушки
Ворча, ревѣть умолкнутъ пушки
И ляжетъ смирно копій ворохъ.
Такъ въ пряжѣ таинственной съ счастьемъ и бѣдами
Прекрасны смѣлы и невѣдомы
Юношей двое явилось однажды.
Съ смѣлыми-лицами, взорами жажды.
На утро пришли они, мокрые, въ росахъ.
Въ рукѣ былъ у каждаго липовый посохъ
То вѣстники блага подумалъ бы каждый.
Смѣлы зорки расторопны
Въ русыя кудрей покрытыя копны,
Къ труду привычны и охотники,
Они просилися въ работники.
Какой то, пришли они, тайной томя,
Волнуемы подвигомъ общимъ
На этихъ приходъ мы не ропщемъ.
Такъ голубь порою крылами двумя
Въ время вечернее мчится и сѣрое.
И каждый взглянулъ на нихъ, сразу имъ вѣруя.
Но голубь летитъ все жь единый.
Пришли они къ намъ урожая годиной.

СЕЛЬСКАЯ ДРУЖБА.

Какъ тѣ видѣнья тихихъ водъ,
Что исчезають, лишь я брызну,
Какъ голосъ чей то въ бѣдствій годъ:
„Пастушка, встань, спаси отчизну."
Видъ спора молній съ жизнью пушки
Сокрытъ въ твоихъ красивыхъ взорахъ.
И передъ дланію пастушки
Ворча, ревѣть умолкнутъ пушки
И ляжетъ смирно копій ворохъ.
Такъ въ пряжѣ таинственной съ счастьемъ и бѣдами
Прекрасны смѣлы и невѣдомы
Юношей двое явилось однажды.
Съ смѣлыми лицами, взорами жажды.
На утро пришли они, мокрые, въ росахъ.
Въ рукѣ былъ у каждаго липовый посохъ
То вѣстники блага подумалъ бы каждый.
Смѣлы зорки расторопны
Въ русыя кудрей покрытыя копны,
Къ труду привычны и охотники.
Они просилися въ работники.
Какой то, пришли они, тайной тоня,
Волнуемы поденгомъ общинъ
На этихъ приходъ мы не ропщемъ.
Такъ голубь порою крылами двумя
Въ время вечернее мчится и сѣрое.
И каждый взглянулъ на нихъ, сразу имъ вѣруя.
Но голубь летитъ все жъ единый.
Пришли они къ намъ урожая годиной.

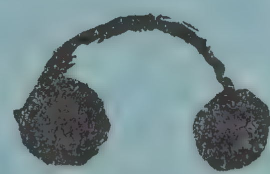
Міркетпи

Давидъ Бурлюкъ:

op. № 1.

Opus № 2.

x)

У Н А

какъ вша ползетъ небесъ
подкладкой —
неуслѣдимъ изгибъ закабаленныхъ
устъ!...
о не топчи своей улыбкой
гадкой
нескромныхъ устремленій

Сюда ихъ тропа привела
Два шумныхъ и легкихъ крыла.
Съ того напрасно снятъ казалось шлемъ.
Покрытъ хвостомъ на мѣдной скрѣпѣ
Онъ былъ бы лучше и свирѣпѣй.
Онъ русый стогъ на плечахъ несъ.
Для слабыхъ просьбъ и тихихъ слезъ.
Другой же кротокъ, чистъ и нѣмъ
Мечтатель былъ и ясли грезъ.
Какъ лихъ и дикъ былъ тотъ въ забралѣ
И веселъ голосъ межъ мечей!
Иные сны другого умъ избрали
Ему былъ спутникомъ ручей
И онъ умѣлъ въ тиши часами
Дружитъ съ ночными небесами.
Какъ строкъ земли инымъ созвучіе,
Какъ одѣянье сердцу лучшее.
Село ихъ весело пріемлетъ
И сельскій кругъ ихъ сказкамъ внемлетъ.
Твердятъ на все спокойно: да!
Не только наши города.
Они вошли въ семью села.
Имъ сельскій бытъ былъ данъ судьбой.
И какъ два сѣрые крыла
Гдѣ былъ одинъ, тамъ былъ другой.
Другъ съ другомъ жизни ихъ сплелись;
Съ иными какъ-то не сошлись.
И всѣ привѣтствуютъ ихъ.
Умолкли злые языки.
Хотя ворчали старики:
Тотъ слишкомъ лихъ, тотъ слишкомъ тихъ.

Они прослыли голубки
(Къ природѣ образы близки.)
И парубки, хотя ранѣй косились,
Но и тѣ угомонились.
Не знаю, что тому виною
Рѣшенье женъ совсѣмъ иное.
Онѣ навѣрное правы.
Кто былъ предъ ними на яву
Осколкомъ вѣка Святослава
И грозныхъ словъ „иду на вы,“
Предъ тѣмъ, склонивъ свою главу,
Проходитъ шумная орава.
Такъ дикій шорохъ чуть услышатъ
Въ ночномъ пасущіеся кони,
Прядутъ ушами, робко дышатъ:
Вѣдь все есть въ сумрака законѣ.
Когда сей войнъ отцовъ осколокъ
Встрѣчался, мѣряя проселокъ,
На ея быстрый взоръ спускали пологъ.
Передъ другимъ-же, подбоченясь,
Смѣлы, бойки, какъ новый пенязь,
Играя смѣло прибаутками,
И смѣло радостными шутками,
Стояли весело толпой
На смѣхъ и дерзость не скупой.
Бранили отрока за то,
Что, портя обликъ молодой,
Спускался клокъ волосъ сѣдой
На мысли строгое чело,
Былъ сирота межъ прядей черныхъ.
Казнили стаей словъ задорныхъ.

За то, что рано посѣдѣлъ,
Храня другой судьбы удѣлъ.
Что пустяки ему важны,
И что ему всегда немного нездоровится,
А руки слабы и нѣжны,
Породы знакъ, гласитъ пословица.
Ходила бойкая молва,
Что несправедливъ къ нему законъ.
За тайну темную рожденія.
И что другой судьбы права
На жизнь, счастье, наслажденіе
Хранилъ въ душѣ глубоко онъ.
Хоть отнялъ имя, давъ позоръ,
Но былъ отецъ Ивана важенъ
Гдѣ-то. То, изъ какихъ то жизни скважинъ
Все разузналъ болтливый взоръ.
Враждуя съ правомъ и тоской
Съ своей усмѣшкой удальской
Стаю молній озорницы
Бросали въ чистыя зарницы.
„Не я, не мы“ кричали тѣ,
Въ безумца, вѣрнаго мечтѣ,
Весною красненькій цвѣтокъ,
Зимой холодный ледъ снѣжка
Порой оттуда гдѣ платокъ,
Когда леталъ изъ подтишка.
Позднѣе съ ними примирились
И называть ихъ договорились
Нашъ силачъ,
(Пропащая головушка)
И нашъ скрипачъ

И намъ соловушка.
Вѣдь былъ силенъ, чьи кудры были русы.
А тотъ на скрипкѣ зналъ искусы.
Былъ сельскій бытъ совсѣмъ особый.
Въ селѣ томъ жили хлѣборобы.
Въ верстахъ двѣнадцати
Военный жилъ; ему покой давно былъ велѣнъ
Въ мѣстахъ семнадцати
Онъ былъ и раненъ и прострѣленъ.
То вѣрной, то шальною пулей.
(Онѣ летятъ, какъ пчелы въ улей.)
И каждый вечеръ, водъ низами,
Къ горбуньѣ съ жгучими глазами
Сквозь луга и можжевельникъ
Съ громкой пѣсней ходилъ мельникъ.
Идя тропою ивняка
Свою онъ „пѣсню пѣсней“ пѣлъ
Тогда село навѣрняка,
Смѣясь, шептало
„Свой трудъ окончить онъ успѣлъ.“
Копыто позже путь топтало.
Но осенью, когда пришли морозы,
Сверкнули прежнія угрозы.
Въ глазахъ сердитыхъ стариковъ,
Какъ повѣсть жизни и грѣховъ.
И раздавалось бранное слово.
Потомъ по старому пошло все снова
Только свадьбы стали чаще
Съ хмѣлемъ ссоры и смятеній.
Да порой въ вечерней чащѣ
Замѣчали пляску тѣней.

Но что-же?
Не долго длилось все и тоже,
Однажды ревъ въ деревнѣ раздался.
Онъ выросъ, росъ и на небо взвился.
Забилась сторожа доска!
Въ томъ крикѣ смертная тоска.
Набатъ? иль бѣшенные волки?
„Ружье подай мнѣ!“—Тамъ, на полкѣ.
Притворъ и стволъ поспѣшно выгнувъ,
Въ окошко сада быстро прыгнувъ,
Бѣгутъ на помощь не трусы.
Богъ мой! Отъ осаждающей толпы
Оглоблей кто-то отбивался.
Въ рукахъ полѣна и цѣпы,
Но осажденный не сдавался.
За нимъ толпой односельчане
Забывъ свирѣли и заботы,
Труды, обычай и работы,
На мясѣ, квасѣ и кочанѣ
Обѣды скудные прервавъ,
Идутъ въ защиту своихъ правъ.
Излишни выстрѣлъ и зарядъ.
Слова умы не озарятъ.
На темный бой съ красавцемъ прошлымъ
Бѣгутъ, размахивающимъ дышломъ.
Тогда, кто былъ лишь грезъ священникъ,
Сбѣжалъ съ крыльца семи ступенекъ.
Молва далеко разсказала
Объ этомъ крикѣ: не боюсь!
Какая сила ихъ связала,
Какое сердце и союзъ!

Въ его рукѣ высокій шестъ
Полетомъ страшнымъ засвисталъ,
И кругъ по небу начерталъ.
Онъ имъ по воздуху провелъ.
Онъ хищникъ въ стаѣ голубей.
Умолкли возгласы: убей.
И отступили люди мѣстъ,
И побѣжали люди селъ.
Въ тихомъ омутѣ, по чертъ.
Молвилъ тотъ, кто былъ простертъ.

* * *

Навѣрно мѣсяцъ пролежалъ
Борисъ кругомъ покрытый льдомъ,
Недугъ кончиной угрожалъ.
Онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ.
Иванъ, гордясь своимъ трудомъ,
Сестрою около сидѣлъ,
И въ темный часъ по вечерамъ,
Скорбна, какъ будто войдя въ храмъ,
Справлялась не одна села красавица,
Когда Борисъ отъ ранъ поправится?
И онъ окрѣпнулъ наконецъ,
Но вышелъ слабый какъ чернецъ.
Межъ тѣмъ и сельскихъ людей гнѣвъ
Улегся, явно присмирѣвъ.
Борисъ однажды клятву далъ
Рѣку Остеръ двѣнадцать разъ,
Не отдыхая, переплыть,
Указъ судьбы его не спасъ.
Онъ на седьмомъ погибъ. Не плакалъ не рыдалъ

Иванъ, но похоронивъ рѣшилъ уйти.
Иныхъ дней жребій темный вынулъ
И незамѣченный покинулъ
Насъ. Не знаю, гдѣ рѣшилъ онъ жить?
Быть можетъ, онъ успѣлъ забыть
Тотъ край, какъ мы его забыли,
Забвенье предали пути.
Но голубь ихъ скитаній хромъ
Отнынѣ сломаннымъ крыломъ.
Дрожитъ и бьется узникъ пыли.
Такъ тяжко падаетъ на землю
Свинцомъ пронзенный дикій гусь.
Но въ ихъ сердцахъ устало внемлю
Слова изъ книги общей: **„Русь.“**

Давидъ

Бурлюкъ.

НЕБО НАДЪ ПАРКОМЪ.

Древній блеклый щитъ героя
Сжатый снѣгомъ облаковъ
Намъ даритъ качаясь хвоя
Надъ строителемъ угловъ
Мы взглянули лишь случайно
И смотри уже открытъ
Четко зло необычайно
Изступленный синій щитъ
Сѣткой плавной позолоты
Исчерненный какъ спина
Ты сквозишь надъ нами годы
Юность вѣчность вышина.

ПЕРВЫЕ ВЗГЛЯДЫ.

Окно открылъ и посмотрѣлъ на грядки
Вонъ вѣтеръ шевелитъ матерію гардинъ
Все ново вкругъ вездѣ плывутъ загадки
Какъ эти шорохи уже размытыхъ льдинъ

Чтожъ измѣрять я стану напряженно
Сей храмный сводъ нѣмую высоту
Иль лотъ измѣнчивый заброшу я бездонно
За грани трепетовъ за савановъ черту.

Замѣтилъ дѣвушку и улыбнулся ивѣ
Первичный пухъ чуть наклонялъ Зефиръ
А я дрожалъ въ тончайшихъ чувствъ приливѣ
Глядя на мирный сей осуществленный пиръ.

Молитвенно сложилъ свои больныя руки
Весна весна шепнулъ зеленый день
А тамъ ловцы свои сгибали руки
И птица падала въ еще сквозную сѣнь.

Въ голубые просторы
Гдѣ-то впаяны льды
Заморожены взоры
Отдаленной слюды

Закалдованы слезы
Огневѣющій взмахъ
Ледниковыя розы
На небесныхъ устахъ

Кто то сбросилъ наряды
И предсталъ весь горя
На лучистыя гряды
Твоего янтаря.

Утро.

Я видѣлъ дѣвы плѣнныя уста
Къ нимъ розовымъ она свою свирѣль прижала
И гдѣ то арокъ стройнаго моста
Отъ тучи къ тучѣ тѣнь бѣжала

Подъ мыльной пѣной нѣжилась спина
А по водѣ дрожали звуки веселъ
И кто то внизъ изъ горняго горна
Какихъ то смолъ пахучихъ капли бросилъ.

Посулъ осени.

Туманъ разитъ цвѣты
Мертвецъ глухой сѣдой
Средь тусклой высоты
Рожденный надъ водой

Ты какъ рѣка течешь
Какъ бѣлый дымъ скользишь
Твой шагъ какъ хладный ножъ
Какъ обморокъ какъ тишь!

Какъ саванъ какъ крыло
Вездѣ вездѣ взмахнулъ
Ты вкрадчивое зло
Ты осени посулъ.

СОЛНЦЕ.

Цвѣты какъ оазисы яркости . . . . .

Камень знойный одноглазъ
Тебя мы видимъ вѣдь не разъ
Тебя мы видимъ каждый день
Но всежъ хвала тебѣ не лѣнь!

Въ лазури кто встаетъ столь зримо
Готовно свѣтитъ такъ другимъ
Кто такъ торжественно умретъ
Чтобъ снова жить какъ часъ придетъ.

Слѣпишь ты окна
Пестришь неровность водъ
Тянуть волокна
Умѣешь каждый годъ.

Никто не взглянетъ
Внутрь въ огненный зрачекъ
Свѣтъ въ душу прянетъ
Какъ къ мухѣ паучекъ.

Міристель.

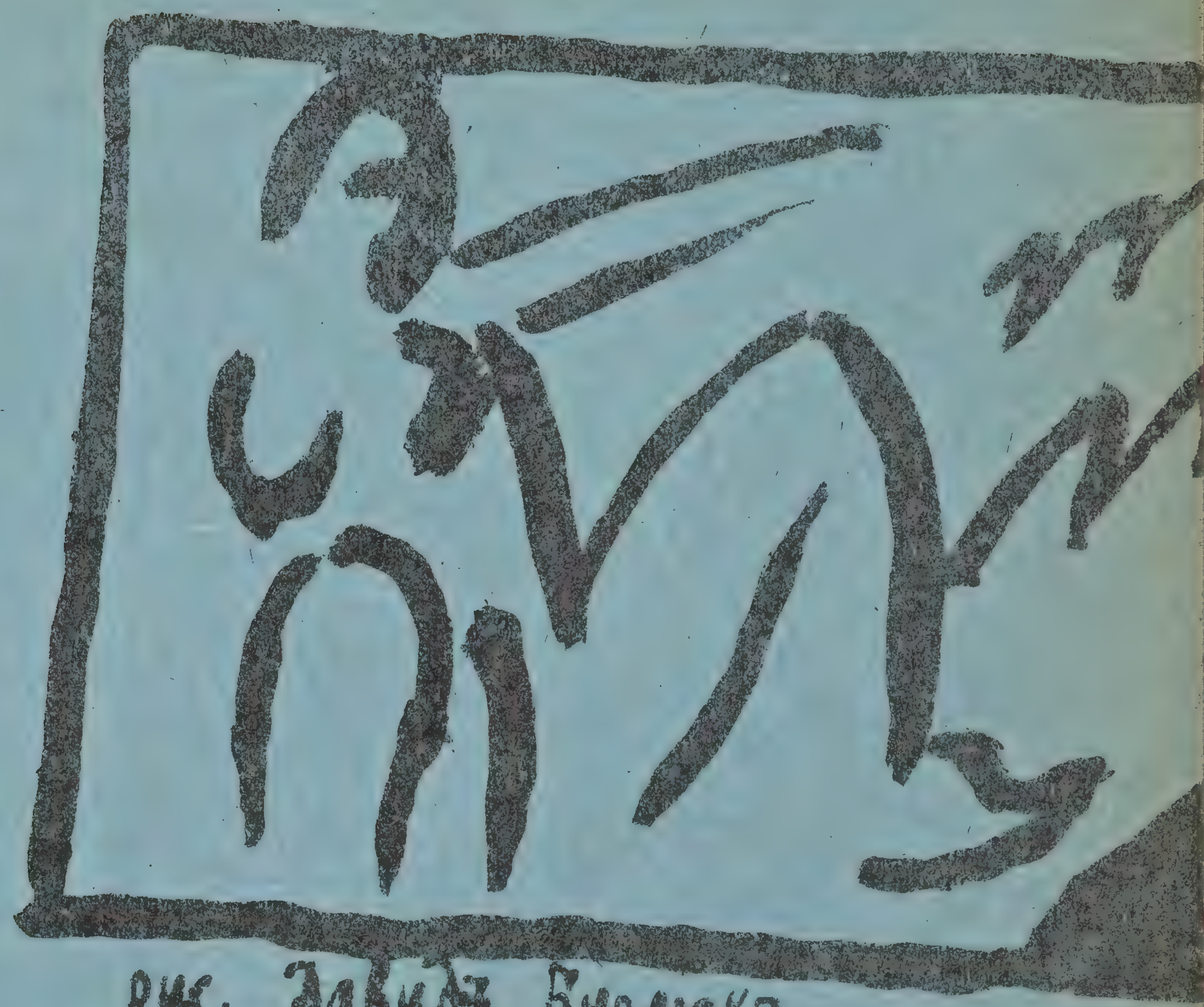

рис. Давидъ Бурлюкъ.

ор. 4. **Облако.**

Плачьте плачьте дѣти
бури
Локонъ воздуха виситъ
Надъ очами свѣтлыхъ
гурій
Протянулся Китъ.

Д. Б.

* * *

Ушедшихъ миговъ тайный вредъ
Сгибаетъ мѣдные власы
Тоскливый безконечный пледъ
Слѣдъ убѣгающей лисы

Подъ остывающій помостъ
Сокрылись мертвенныя лица
Мигнулъ златоволосый хвостъ
Ушедшихъ миговъ вереница

Смотри вокругъ вездѣ бѣда
Упали башенны фронтоны
Исчезли стѣны безъ слѣда
Ты пенъ сухой лишенный кроны.

1908.

Млечный путь.

Ково я ждалъ здѣсь на нѣмой дорогѣ
Къ кому я шелъ развѣявъ волоса
Вверху плыли сосцы сосцы на осминогѣ
А я стоялъ и ждалъ куда падутъ вѣса

Какіе то огни мерцаютъ изъ пучины
Далекихъ странниковъ глухіе голоса
Зазвѣздныя деревъ роскошныя вершины
Ведомыхъ зданій крайніе лѣса!

Изъ блѣдно желтой старины
Крепя росою тонкой пыли
Власы посмертныя ковыли
Дала объятіямъ весны . . .

Подъ голубое небо дня
Предъ острія пушистыхъ копій
Благословляя вѣкъ холопій
И съ нимъ на мигъ соеденя.

(Внучка разсматривающая ларецъ).

Въ трамваѣ.

Тамъ гдѣ дѣвушки сидѣли
Сѣли стройные мужчины
Тамъ гдѣ звонко ранѣ пѣли
Сохнутъ вянутъ отъ кручины
Щеки гдѣ такъ сочно рдѣли
Скрывъ округло жемчуга
Сѣдины взвились мятели
Бровь нахмуренно строга.

Весна.

Ты растворила затхлый домъ
Метнувъ живительный огонь
И тѣни скованныя сномъ
Зажаты въ хилую ладонь

Домъ усыпальницею былъ
Трусливо шаткихъ рубежей
Гнетущій изотлѣвшій пылъ
Подъ взоромъ робкихъ сторожей.

Вечеръ въ России.

Затуманилъ взоры
Свѣтъ ушелъ угасъ
Струйные дозоры
Иглистъ скудный часъ

Зазвенѣли мѣдью
Сѣдина-ковыль
Пахнетъ свѣжей снѣдью:
Подъ копытомъ пыль

Затуманилъ взоры
И уходитъ прочь
Струйные дозоры
Нѣга сонъ и ночь

Прянулъ безъ оглядки
Все темно вокругъ
Будто игры въ прятки
Жаждущій супругъ.

1910

***

Пейзажъ.

(вѣтровъ упадающихъ груды)

Мечтанье трепетъ тишина
Игриво кудрая полянка
Звонъ жемчугъ лепетъ и бѣглянка
Для мачты годная сосна

Покрытый мохсмъ сгнившій крестъ
Какъ далеки воспоминанья
И изотлѣвшія желанья
Такъ бушевавшія окрестъ.

***

Прозрачный день, зеленое объятье
Ты растворилъ, чтобъ воспринять меня
И знойное твое рукопожатье—
Живу безвременно кляня.

Чудовищность своихъ зрачковъ зеленыхъ,
Скрывавшій тщетно роемъ облаковъ.
Я погруженъ въ природу сихъ бездонныхъ,
Носитель блещущихъ оковъ!

*
* *

Игралъ въ поляхъ пушистымъ роемъ тучъ
Жемчужные мячи по голубому полю —
Вдымая палицу блестящій страстный лучъ
И ихъ гоня небесной жгучей болью

Внизу паслись зеленыя стада
Ихъ тучный ревъ немолчно славилъ волю
Поправшіе витые города
И сонмы душъ изъѣденные молью.

*
* *

Луна цвѣтетъ средь облаковъ невнятныхъ
Какіе странные далекіе шаги
Обрывки запаховъ листовъ пахучихъ мятныхъ
Склоненныхъ на чело ея ночной дуги.

Осенній дождь мутнитъ стекло свѣтлицы
Едва живутъ какъ робкій вздохъ огни
. . . .

ВЕСНА.

Въ холодной мглѣ въ смертельномъ подземельи
Ростутъ туманные какъ призраки цвѣты
Безрадостный у вожделенной цѣли
Простершій **Мертвые персты**

Тогда стоявшая у сомкнутого входа
Тихонько подняла пустующую длань
Шепнула мнѣ „пастухъ несчастный встань
Укройся отъ дождя въ пріютѣ темномъ грота“.

*
* *

Сгорѣвшій мотылекъ на безпощадной свѣчкѣ
Низринутый листокъ влекомый въ быстрой рѣчкѣ
Надъ вами взвился рокъ Вашъ безполезенъ ропотъ
Ахъ еслибы я могъ судьбы отринуть хоботъ!

Всегда капризный немного точный
Приходитъ и смѣется вдругъ
Какъ плодъ румяный пушистый сочный
Владѣтель множества супругъ.

Надъ синимъ озеромъ ликуя
Проносится твой рѣзвый крикъ
Сіяетъ радостная сбруя
Что чистилъ медленный старикъ

Непостоянствомъ не увѣрить
Не оживишь возможность дней
Ты вѣдь проходишь все измѣрить
Всегда упорнѣй и яснѣй.

1909 г.

Зима.

Луна скользитъ какъ съ корабля Мертвецъ
Я за рѣшеткою въ тюрьмѣ
Молюсь обглоданной зимѣ
Ей палачу живыхъ сердецъ!

Какой ужасный мерзлый трупъ
Чернѣетъ смутно за окномъ
Я затопить хочу виномъ
Находку пристальную лупъ!

На бѣломъ тѣлѣ черныхъ ранъ
Зіяютъ мрачные слѣды
Мы дождались и сей бѣды
Стерпѣвъ осенній ураганъ.

1911 г.

Лѣтній Инокъ.

Звонъ цвѣтовъ лобзанье пчелъ
Жидкій медъ прямыхъ тычинокъ
Стройный пряный круглый долъ
Въ кельѣ сѣдовласый инокъ

Машетъ сморщенной рукой
Нѣжность духъ благословенье
Свѣтъ и трепетъ и покой
Насѣкомыхъ звонкихъ пѣнье

Океанъ разверстыхъ крылъ
Сонмы вопіющихъ глотокъ
Лѣто солнце жизни пылъ
Какъ Вашъ мигъ стократъ коротокъ.

Облаковъ сплетенныхъ рой
Облаковъ шумящихъ стая
Зачарована игрой
Ихъ безчисленность витая

Облака сквозное небо
Будто синіе цвѣты . . . .
Но вокругъ все пьяно слѣпо
Какъ стоглазые листы.

Всѣ уходятъ быстро годы
Нѣтъ возврата нѣтъ назадъ
Ночи мучатъ непогоды
Каждому огню такъ радъ

„Ты вѣдь молодъ ты вѣдь молодъ
И тебѣ не страшенъ холодъ
Посмотри я старъ я сѣдъ
Мнѣ тяжеле иго бѣдъ"

И смѣется онъ беззвучно
Спутникъ ночи неразлучной
Кажетъ мнѣ гніющій зубъ
Изъ за мерзлыхъ синихъ губъ

Онъ идетъ все рядомъ рядомъ
Онъ гонитель тайныхъ нѣгъ
И подъ этимъ тусклымъ взглядомъ
Мерзнетъ сонный свѣжій снѣгъ

*
* *

Изъ домовъ и въ дома выходили входили фигуры
Была тьма на землѣ на верху облака были хмуры
Я на улицѣ ночь проводилъ прислоняся къ согрѣтой
стѣнѣ

Вѣтеръ нылъ вѣтеръ вылъ на фонарномъ сгорая огнѣ
Предо мной на до мной возносился громаднѣйшій домъ
Весь окутанный мглой отуманенный тьмой
Многоцвѣтомъ сіяя оконъ. 1906 г.

Знаешь край гдѣ плещетъ влага
Камень скользкій бьетъ звеня
Голосъ смутный голосъ мага
Духъ объемлетъ леденя

Край зеленый бѣло пѣнный
Чаекъ взлеты чаекъ крикъ
Голосъ моря гласъ несмѣнный
Сѣдовласый пѣнный ликъ

Пролетаютъ альбатросы
Лугъ зеленый лугъ внизу
Съ хриплой пѣснею матросы
Якорь ржавленный везутъ

* * *

Надъ зелено пѣнной зыбью
Пролетаютъ альбатросы
Чайки ловятъ стаю рыбью
Въ снасти впутались матросы

Въ морѣ зыблются медузы
Межъ цвѣтными кораблями
О порви съ брегами узы
Взвейся сильный надъ морями.

1907 г.

Надъ кружевами юныхъ водъ
Краснѣешь твердыми боками
Пронзаешь изступленно сводъ
И вѣешь флагъ подъ облаками.

А уходя роняешь стонъ
Неужто раненъ ты разлукой
Ты подыматель столькихъ тоннъ
Рожденный точною наукой.

* * *

Насъ было двое мы слагали
Изъ словъ тончайшій минаретъ
Въ лазурь мы путь тогда искали
Взойдя на холмъ прозрачныхъ лѣтъ

И возлагая новый камень
Мы каждый разъ твердили вслухъ
Что близокъ ужъ небесный пламень
Что близокъ идеальный духъ

И что же!.... кто взлелѣялъ зависть
Къ творенью нашему тогда
Кто бросилъ жгучую ненависть
Смѣшавъ языки навсегда.

Какъ сказочны лѣса подъ новымъ симъ уборомъ
Какъ гармонично все единостью окраски
И небо и земля и липы за заборомъ
И кровли снѣжныя напялившія маски

Земля подобна стала рыхлымъ тучамъ
Утратилась ея земная твердость
И первый вѣтеръ облакомъ летучимъ
Подниметъ понесетъ зимы морозной гордость.

***

Ты насъ засыпалъ бѣлымъ бѣлымъ
Всѣ вѣтки стали вдругъ видны
Какъ четко черная ворона
Спокойные смущаетъ сны

Съ землею слитъ край небосклона
Я не хочу желать весны
Подъ этимъ снѣгомъ бѣлымъ бѣлымъ.....

Вокзалъ.

Часовня встрѣчъ разлукъ вокзалъ
Дрожащій гулъ бѣгъ паровоза
Тревожность оживленныхъ залъ
Разлуки пламенная роза

На плечи брошенныя тальмы
Послѣдній взглядъ послѣдній зовъ
И вверхъ искусственныя пальмы
Отъ хладной бѣлизны столовъ

Вѣдь каждый день къ твоимъ путямъ
Бѣгутъ несчастнѣйшія лица
Къ кому безжалостна столица
И никнутъ въ стали звонкой тамъ

И утромъ каждымъ въ эту дверь
Стремятся свѣжія надежды
Всѣ тѣ на комъ столица звѣрь
Не съѣла новыя одежды

А ты гирляндами горѣлокъ
Блестя на мигъ одинъ пріютъ
Подъемлешь свой дорожный кнутъ
Живую неуклонность стрѣлокъ.

1907 г.

Марина.

(Кто вырвалъ жребій изъ оправы . . .)

Въ безмолвной гавани за шумнымъ волнорѣзомъ
Сокрылся изумрудный глазъ
Окованъ камнемъ и желѣзомъ
Цвѣтно мѣняющійся газъ.

Въ сырой пустынѣ гдѣ вѣтеръ влажный
Средь безконечной ряби водъ
Широкій путь пловца отважный
Дымящій шумный пароходъ

Въ просторѣ скучномъ каютъ веселье
Остроты франтовъ и хохотъ дамъ
А здѣсь притихшее похмѣлье
По неотмѣченнымъ слѣдамъ

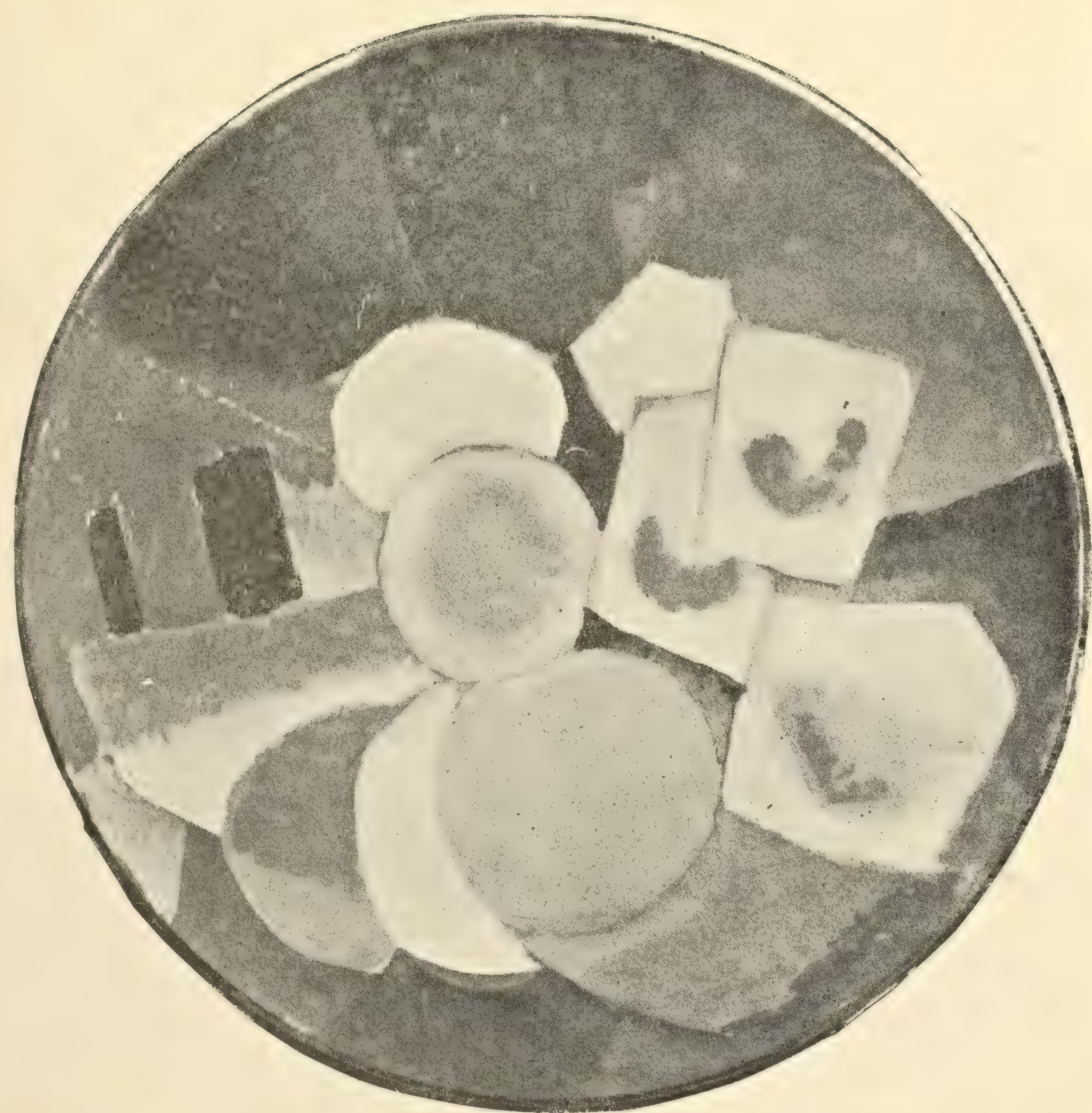
Тамъ цѣль прямая по картѣ точной
Всѣхъ этихъ пассажировъ влечь
Быть можетъ къ гибели урочной.....
(Приблизитъ роковая течь)

А здѣсь въ волнахъ круглясь дельфины
Спѣшатъ за рѣжущимъ килемъ
Ихъ блещутъ бронзовыя спины
Аквамариновымъ огнемъ.

1910 г.

В Бурлюкъ.

Александра Экстеръ

„Натюръ — мортъ“.

Подарки.

Ты истомленному въ пустынѣ
Глаза свои преподнесла
Что свято предаешь ты нынѣ
Въ долинахъ бѣдствій мраковъ зла

Какія нѣжныя запястья
Съ пугливой груди отстегнувъ
Исторгнешь клики сладострастья
Химеръ безумный хоръ вспугнувъ

Или мечемъ туманно алымъ
Побѣдно грудь разсѣчена
Душа вспорхнула птичкой малой
И жизнь конечно не видна. 1908.

***

По неуклонности желѣзной
Блестящихъ рельсъ стальныхъ
Путемъ уходишь звѣзднымъ
Для рубежей иныхъ

Смѣется и стремится
Иной иной удѣлъ
И сумракъ тихій длится
Какъ серебристый мѣлъ

Пади раскрывъ колѣни
И утоли любовь
Въ высоко жгучемъ пѣньи
Повѣрь всевластна кровь 1907.

Собиратель камней.

Сѣдой вѣдунъ
Какъ много разныхъ камней
Ты затаилъ въ суровой башнѣ лѣтъ

Зеленыхъ лунъ
Тамъ плѣсень стала давней
Но солнца въ граняхъ стоекъ свѣтъ

Своихъ одеждъ
Украсилъ ты узоры
Ихъ огранивъ въ узилище оправъ

Огонь надеждъ
Лишь къ нимъ клонятся взоры
Сѣдой вѣдунъ ты въ граняхъ вѣчныхъ правъ

1907.

Зима.

Какъ скудны дни твои
Какой полны тоскою
Отчаянья безстрастною рукою
Сгибаютъ рамена мои!

Въ окнѣ замерзломъ блѣдная денница
За безпросвѣтностью чернѣвшей ночи
Казалось замерзающая птица
Ко мнѣ пробиться въ душу хочетъ.

1907 г.

***

На улицахъ ночныя свѣчи
Колеблютъ торопливый свѣтъ
А ты идешь сутуля плечи
Во власти тягостныхъ примѣтъ

Въ умѣ твоемъ снуютъ догадки
О прошломъ изнурившемъ днѣ
А фонари тебѣ такъ гадки
Какъ змѣй глаза во снѣ.

1907 г.

Сумерки.

Веселый часъ! я посѣтилъ кладбище
Первоначальныхъ дней (упавшихъ навсегда),
Какъ мотъ скитался тамъ какъ безотрадный нищій
Что даже смерть ему не нанесетъ вреда

Слѣдилъ внимательно гробницъ слѣды кривые
Надежды робкія сокрыли склепы ихъ
Порывы дерзкіе восторги боевые
И многихъ не узналъ среди льстецовъ своихъ

„Твои твои“ шептали вяло камни
„Ты здѣсь ты здѣсь“ шуршитъ внизу земля
Мгновенья бѣглыя сознанья былей давни
Стуились ввысь туманя и пыля.

1908.

Четвероногое созданье
Лизало бѣлыя черты
Ты какъ покинутое зданье
Укрыто въ черные листы

Пылаютъ свѣтозарно маки
Надъ блескомъ распростертыхъ глазъ
Чьи упоительные знаки
Какъ поколебленный алмазъ.

***

Наѣздница.

На фонѣ пьяныхъ коней закатныхъ
Сереброзбруйные гонцы
А вечеръ линій ароматныхъ
Развившій длинные концы

На гривахъ черныхъ улыбки розы
Раскрыли нѣжно свои листы
И зацалованныя слезы
Средь изумленной высоты.

1908 г.

О желанный сугробъ чистота
О безстрастная зимъ чернота
Ты владѣтель покорнѣйшихъ слугъ
Породилъ аро:іатовъ испугъ

Подъ кобальтовой синью небесъ
Тонкимъ цинкомъ одѣты поля
Ты лепечешь персты оголя
Эти струи несозданныхъ мессъ.

Разметавшись въ угарѣ морозномъ
Среди бьющихся колющихъ иглъ
Ты лишь здѣсь откровенно постигъ
Свѣтлый воздухъ сосудѣ курьезномъ.

ВЕСНА.

Дрожатъ блѣднѣющіе свѣты
И умираютъ безъ конца
Легки ихъ крохкіе скелеты
У ногъ сокрытаго тельца

Тускнѣютъ матовыя стекла
Закрыто бѣлое крыльцо
Душа озябшая намокла
И исказилося лицо

И вдругъ разбуженъ ярымъ крикомъ
Извнѣ ворвавшійся просторъ . . . . .
Въ сіяньи вешнемъ блѣднымъ ликомъ
Встрѣчаю радостный топоръ

Слѣжу его ласкаяя взоромъ
И жду вѣщательныхъ гонцовъ
Я наученъ своимъ позоромъ
Свершившій множество концовъ.

* * *

Волнъ змѣистый трепетъ
Скалы острова
Вѣтра нѣжный лепетъ
Влажная трава

Брошены простыни кто то вдаль уплылъ
Небо точно дыни полость спѣлой вскрылъ
День сраженный воинъ обагрилъ закатъ
Кто то успокоенъ блескомъ свѣтлыхъ латъ.

Кто раненъ здѣсь кто тамъ убитъ
Кто вскрикнулъ жалобный во тьмѣ
Хамелеонъ тупой тропѣ
Свой разноцвѣтный отдалъ щитъ

Руби канатъ ушла ладья
Напрасны слезы и платокъ
Что въ ручкѣ трепетной измокъ
Пурпурныхъ обѣщаній дня

Оставь оставь пускай одна
Влачится аріадны нить
Я знаю рокъ сулилъ мнѣ жить
Пасть-лабиринтова смѣшна.

***

Богиня Сехтъ жаръ пламени и битвы
Пылъ гнѣва съ головою льва
Въ тебѣ гранитныя молитвы
Въ тебѣ гранитныя слова

Какъ здѣсь прекрасно женское начало
Но этотъ левъ,—но этотъ хищный левъ
Вселенной всей тебѣ объятій мало
Живущая гроба преодолѣвъ

Изъ сна вѣковъ дошла неотразимо
Ты вѣчное и прежде и теперь
Тѣлесна страсть тебѣ прямое имя
Къ реальной вѣчности пріятственная дверь.

1908 г.

***

Сумерки.

Истлѣвшіе заката очаги о синяя возможность ночи

Д. Б.

Возможность новая усталымъ взорамъ мракъ
О тьма свинцовая пастухъ дневныхъ гулякъ
Бросая пологъ свой по всѣмъ путямъ бредешь
О сумракъ часъ нѣмой туманность, нѣга ложь.
. . . .

Ты обѣщалъ сдержать неистовое слово
Темнѣла улица вечерній топотъ росъ
Обыденная муть вливалась въ сердце ново
А гдѣ то вѣяли кристаллы росъ

Отравы мучили и сумерки томили
Искалъ довѣрчивыхъ и пригвожденныхъ глазъ
Неслись далекія устало ныли мили
Подъ грохотъ рухнувшихъ испепеленныхъ вазъ

И что же какъ всегда надъ четкимъ парапетомъ
Вдругъ встала смерть свой остовъ обнаживъ
А медленный закатъ ложился тонкимъ свѣтомъ
Въ глухія болота испепеленныхъ нивъ.

1907 г.

Николай

Бурлюкъ.

Ущербленность

ЦИКЛ I-й

***

Что значитъ?! Шумъ и шумъ къ веснѣ,
Ледъ ломится. и птица скачетъ,
Мой другъ, что значитъ?!
Печаленъ я: иной странѣ
Мой плѣнъ назначенъ;
А я въ землѣ стараюсь
Найти свой тонкій волосокъ желанья,
Что люди вѣрные зовутъ душей питанья.....
И безнадеженъ и безспоренъ,
Подъ смакъ резиновой ѣзды,
Я вырву приворотный корень
Сквозь щелку дальнія звѣзды.

БАБУШКА

Постарѣвши, разскажу
Въ понедѣльникъ про вѣнчанье
И старушечье шептанье
Втихомолку разбужу.
Вторникъ завтра, завтра гости,
Хоромъ, хоромъ повторимъ:—
Каменѣютъ съ годомъ кости
И кадильный слаще дымъ.
А средою утомленъ
Буду слушать снова, снова
Отъ вѣнца до похоронъ,
Шорохъ каменнаго слова.

***

Ползу на край сварливой крыши
И темныхъ улицъ вижу бѣгъ,
Послѣдней ночи бѣлый снѣгъ
Надъ городомъ султанъ колышетъ.
Цѣлую грань послѣдней выси,
Журчитъ во дворъ туманный дождь,—
Мой жребій отъ тебя зависитъ,
Изнеможденной рати вождь

Въ трамваѣ.

Злой мальчишка, я слѣпой —
Надъ ними не смѣются,
Злой мальчишка, предъ толпой
Всѣ дороги рвутся

Мнѣ на седьмой, а онъ кричитъ:
„Седьмой вотъ здѣсь“,— а это восемь;
Злой мальчишка, меня влачитъ
И бьетъ дорога лосемъ.

Мнѣ на седьмой, мнѣ на седьмой,
А это восемь, восемь,—
И мы за зрѣнія спиной
Едва ли жалость сносимъ.

Пятый Этажъ.

Одно мнѣ утѣшеніе,
Подъ взглядомъ мокрыхъ крышъ,
Твое больное пѣніе
Черезъ ночную тишь.

Одно мнѣ утѣшеніе,
Подъ язвами лица,
Вечернихъ дымовъ рвеніе
Подъ молотъ кузнеца

***

Въ твоихъ рукахъ мой день спадаетъ
Минута за минутой.
Ногою необутой
Полдневный лучъ меня ласкаетъ

Прищурившись отъ яркихъ свѣтовъ
И ухватясь за тучу,
Я чей-то призракъ мучу,
Средъ опостылѣвшихъ предметовъ.

***

Въ ущельѣ уличнаго дыма
Зловоній непрейденный рядъ
Тобою услажденный ядъ
Съ береговъ замерзшаго нарыма.

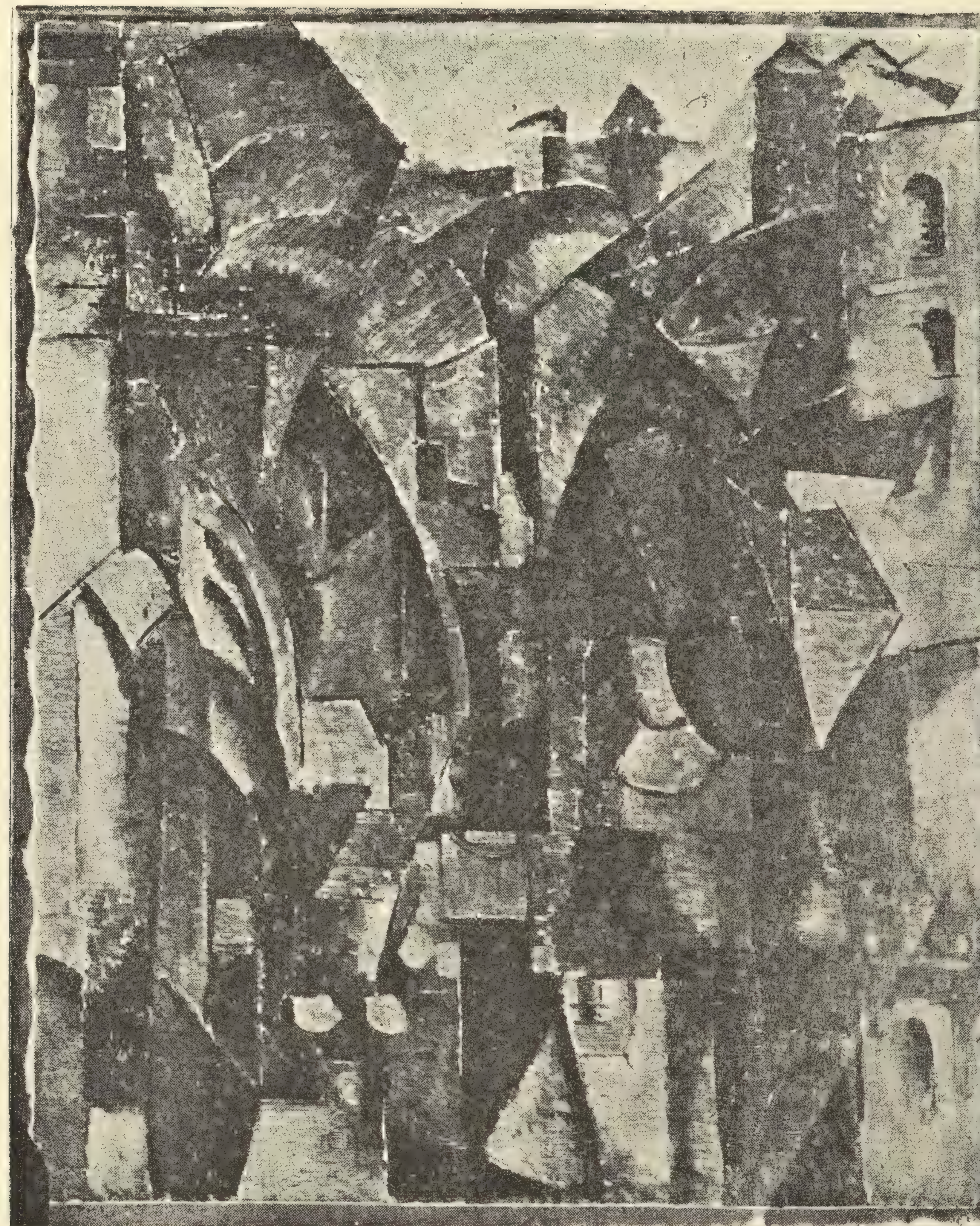
Интеллигентъ и проходимецъ
На перекресткахъ, площадяхъ
Слѣдишь автомобильный прахъ,
Куда смущенный не подымется.

Къ веснѣ, когда все такъ стыдливо,
Ты съ первымъ солнечнымъ лучемъ,
Какъ мальчикъ лавки съ калачемъ,
На талый ледъ глядишь пытливо.

И если въ городъ опрокинется
Тумана емкая скудель,
Повѣрь, заботливый апрѣль
Осколки скорченныя вынетъ

***

Благоговѣйно улыбаясь,
Стираю съ пятъ живую пыль
И на прирученный костыль
Смотрю передъ собою каясь:

Александра Экстеръ
„Пейзажъ“.

рис. Владимiръ Б.

Огонь, ты грѣешь мать и братьевъ
И кругъ родного очага,
А путника давно нога
Сокрыта теплаго пожатья.

И, запрещенный тусклымъ взглядомъ
Повсюду вянущихъ людей,
Влачусь по снѣговой водѣ
Къ высокимъ башнямъ и оградамъ

* * *

Въ степи восхода солнце ищетъ
И, какъ неутомимый кротъ,
Чрезъ горизонтъ застывшій прыщетъ
Смятенныхъ тучъ водоворотъ.

* * *

О берегъ плещется вода,
А я усталъ и изнемогъ,
Вотъ, вотъ настанутъ холода,
А а отъ пламенъ не сберегъ.

* * *

Смыкаются незримыя колѣни
Передъ моленьями моими.
Я, темный, безразличный плѣнникъ,
Шепчу боговъ умершихъ имя.

Я не приму твой трепетъ ночи
Хвала согбенная безсилью.
Меня заря, быть можетъ, прочетъ
Работникомъ дневною пылью.

* * *

Я изнемогъ, и смутно рѣетъ
Въ пустой груди языкъ чудесъ.....
Я, отрокъ вечера, вознесъ
Твой факелъ ночь, и онъ чуть тлѣетъ,

Страдальца взоръ смѣшно плѣняетъ
Мои усталые глаза.—
Понять могу-ли, егоза,
Что уголь не свѣтя сгораетъ;

Я зачарованный, сокрытый,
Я безглагольно завершенъ,—
Какъ трупъ въ непобѣдимый ленъ,—
Какъ плодъ лучемъ луны облитый.

Я, ни юродивый ни льстивый,
Смыкаю передъ тьмою взоръ
И, подходя къ подошвамъ горъ,
Хочу обуться торопливо.

Владимір

Маяковскій

Зигзаги в вечер.

Адище города окна разбили
На крохотные сосущіе свѣтами адки
Как рыжіе дьяволы скакали автомобили
Над самым ухом взрывая гудки

А там под вывѣской гдѣ сельди из Керчи
Сбитый старикашка шарил очки
И заплакал когда в вечернем смерчѣ
Трамвай с разбѣга взметнул зрачки

А в дырах небоскребов гдѣ горѣла руда
И желѣзо поѣздов громоздило лаз
Крикнул аэроплан и упал туда
Гдѣ у раненнаго солнца вытекал глаз

И тогда уже скомкав фонарей одѣяла
Ночь излюбилась похабна и пьяна
А за солнцами улиц гдѣ ковыляла
Никому не нужная дряблая луна

Владимир Маяковскій

Алексѣй

Крученыхъ.

Луной гнилою
Часы отстали
Кормили сволочь
Гуди с толпою
Хоть 2? едва ли
Пятится ночь
Нажавши пальцем
Зайти ли? с вывѣскои?
Я вольный благодар
Языкъ чернильницы
Попал под наковальню
Чур чур круче
Ловите—тайна
Если пред обѣдом
Пройтись хочу я просто къ воротам
И подаю ей знак летѣльбищ
На что иной взирает не терпя

А. Крученых

Моих дѣтей не узнаете?
Родились здѣсь в неисчислимой
Возьмите в школу
Пусть желт и реск не нарушают пѣны

Пѣсня шамана.

Котеро
Перо
Бясо
Муро
Коро
Поро
Ндоро
Ро

А. Крученых

Бенедиктъ Лившицъ.

Слова на эро.

1.

Бѣлый лѣкарь, недозрѣлый трупикъ
Большеглазаго пьеро,
Выраставшій вымышленный тропикъ
Въ мартовское серебро!

Нѣтъ, не пыль дождливаго клавира,
Ты стѣсняешь бѣлизной
Всѣ широкія слова на эро,
Всѣ слова въ цѣлебный зной.

Покачнувшись бѣлымъ балахономъ
Туфлѣ въ тактъ и сердцу въ тактъ,
Праведникъ, въ раю благоуханномъ
Ты нисходишь на смарагдъ.

2.

О тропикѣ трепетный клоунъ
Изъ крапинъ запретныхъ—рябо
На всемъ балахонѣ—во что онъ
Возросъ головой бибабо?

На счастіе въ лиліи передъ
Америкою тишины
Онъ замеръ и къ сѣверу мѣритъ
Отпущенницъ райской весны.

Чья полузнакомая вѣра
Смарагдами ограждена
Въ широкое слово на эро,
Бѣжавшее строгаго сна.

Бенедиктъ Лившицъ

Василій

Каменскій.

В.Б.

1913

рис. Владимиръ Бурлюкъ.

Сѣверная рождествель.

Тканая скатерть морозницей вицей
Рождественна ель на горѣ серебрѣ
Распушенная звѣздно узорами взорами
Заборами хрустальными льдами стальными
На хвойной зарѣ за рѣками озерами
Въ замкѣ изъ заячьихъ шкуръ горностаевъ
Жемчужинъ алмазовъ опаловъ топазовъ
Сіяютъ изъ инея вершины вѣнцы
По синей дорогѣ бѣгутъ бубенцы
Ломко въ сердцѣ и зовно звеня
Дни веселая пѣсня обниметъ меня
Кудри русскія вскинь и разгульно встрѣчай
Безшабашныхъ и пьяныхъ качай укачай

Василій Каменскій.

Чугунное житье.

Чугунное житье
Ношу кривой
Татарскій ножъ
Индѣйское копье
Раскинулъ ловокъ и хитеръ
Я на соснѣ шатеръ
И хохочу хочу
Кричу и жгу смолье
Точу топоръ
Четыре пальца просвищу
Шарахнется сова
Забьетъ крыломъ
Седьмымъ весломъ
Людей не вижу не ищу
И выплюнулъ слова
Мычу ядреный
Волъ луговъ
Марковное жратье
Повѣсилъ на рога враговъ
Шаршавый стволъ
Старуха мать
Пошелъ жую рябину
Сучье ломать
Чугунное житье

Василій Каменскій.

Ночь

Блещут
Вѣщія
Зарницы
Озорницы
За рѣкой
Рукой
Огонь
В темницѣ
Огонится
Конь
Конится
Пасутся
Звѣзды
Гнѣзда
Гроз
Скитаній
Молній,
Таяній,
Отчаяній
Обоз.

СЛОВОЙСКО

Словойназа
Словолю
Слово жди
Словойдут
Словоплямив
Словорота
Словолости
Словоскреснет
Слованіе
Слов
Словолян.

ОДѢЯНІЯ.

Пѣсніянка
Пѣсніянная
Пѣсніянных
Пѣсніян

(Пляска пѣсни)

Осмѣянка
Осмѣянная
Осмѣянных
Осмѣян

(Пляска смѣха)

Окаянка
Окаянная
Окаянных
Окаян

(Пляска с визгом)

Одѣянка
Одѣянная
Одѣянных
Одѣян

(Пляска спины)

Въ блестской тьмѣ.

Въ смокингахъ, въ шикъ опробоpенные, великосвѣтскіе олухи
Въ княжьей гостинной наструнились, лица свои оглупивъ.
Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ сарказмно о порохѣ;
Скуку взорвалъ неожиданно неопоэзный мотивъ.

Каждая строчка—пощечина. Голосъ мой—сплошь издѣвательство.
Риѳмы слагаются въ кукиши. Кажетъ языкъ ассонансъ.
Я презираю васъ пламенно, тусклыя Ваши сіятельства,
И, презирая, расчитываю на міровой резонансъ!

Блестская аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!
Скрытъ отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!
Тусклыя Ваши Сіятельства! во времена Сѣверянина
Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ, и Бальмонтъ!

1913. *Игорь—Сѣверянинъ.*

Книги русскихъ футуристовъ

КАТАЛОГИ ИЗДАТЕЛЬСТВЪ.

1908—1914 г.г.

МОСКВА — С.-П-Бургъ.

Издательство

(Литературной Компанiи Футуристовъ)

„ГИЛЕЯ“

Дохлая Луна (огранич. количество.— осталось) -- — 1 р. 50 к.

Молоко кобылицъ (Мирiстель):

Каменскiй Маяковскiй Игорь—Сѣверянинъ, Бурлюки, Хлѣбниковъ, Крученныхъ, Лившицъ Экстеръ. Стихи, статьи, рисунки, литографiи.

Сборникъ рисунковъ: печатается Бурлюки; Давидъ, Владимiръ

Предисловiе Николай Бурлюкъ.

Склады изданiй:

Москва. „Современныя проблемы“ Никитская ул.
Петербургъ. Невскiй проспектъ „Поповъ“.
Москва.—Карбасниковъ—Моховая ул.

„Рыкающiй Парнасъ“ — 1 р. 50 к.

Хлѣбниковъ „Творенiя“ т. 1. 1 р.

Владимiръ Маяковскiй трагедiя „Владимiръ Маяковскiй“ -- — 1 р.

1-й № **„Первый Журналъ Русскихъ Футуристовъ“** издатель Д. Бурлюкъ. редакторъ В. Каменскiй.

В Маяковскiй. И. Сѣверянинъ **Хлѣбниковъ** В. Каменскiй, Б. Лившицъ, Давидъ. Владимiръ и Николай Бурлюки А. Экстеръ. Васильева.

Б. Лившицъ. II я книга стиховъ „Волчье солнце“ рисунки цвѣтныя репрод. Экстер. Васильева. 1-я книга стиховъ „Флейта Марсiя“.

изд. ЕУЫ.

В. Хлѣбниковъ. Перчатки (1908—1914) рис. Д. Бурлюка. К. Малевича и др. — ц. 60 к.

Утиное гнѣздышко—,Крученных, книга 7-я рис. О Розановой, ц. 40 к.

Бух лѣсинный—А. Крученных и Хлѣбников книга 8-я Рис. Розановой, Кульбина и Крученныхъ, 40 стр., ц. 30 к.

Взорваль—А. Крученныхъ книга 9-я, 60 стр. рис. Гончаровой, Розановой, Кульбина и Малевича. ц. 60 к.

А. Крученых Побѣда над солнцемъ. Опера. Музыка Матюшина— ц. 60 к.

А. Крученыхъ „Чертъ и рѣчетворцы" рис. О. Розановой ц. 30 к.

Карбасниковъ. Суворинъ. Вольфъ. Яснаго и др.

Складъ изд СПБ Максимиліанов. пер. д. 16. кв. 6.

Издательство Журавель

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшiеся въ не большомъ количествѣ продаются у Митюрникова по 50 руб. СПБ. Литейный

Садок Судей II сборникъ
Садокъ Судей III сбор. (печатается)
Осенiй Сонъ—Е. Гуро (†)
Шарманка ея-же
„Трое"—ц. 1 р. Гуро. Хлѣбниковъ. Малевичъ Крученыхъ.

Изд. Бутковской

Студія импрессіонистовъ, цѣна 1 р. 50 к.
Свободная музыка, цѣна 2 руб.,

ИЗД. ОБЩ. ИНТИМНАГО ТЕАТРА:

Кульбинъ, цѣна 50 коп.

Изданія Общества Художниковъ

„Союзъ молодежи"

Сборникъ № 1, Апрѣль, 1912 г. (распроданъ)
Сборникъ № 2, Іюнь 1912 г. — 50 к.
Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.
Сборникъ № 4, 1914 г. (готовится)
Вячеславъ Егорьевъ и Владиміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній китайскихъ поэтовъ съ біографіями (печатается).

Глезъ и Меценже. „Du Cubisme" въ переводѣ „Союза Молодежи" (печатается)

І. Школьникъ и О. Розанова
Сборникъ рисунковъ (печатается)

Владиміръ Марковъ.
Принципъ Фактуры (готовится)

Бургеръ. Сезаннъ и Ходлеръ (печатается)

Дав. Дав. Бурлюкъ.
Галдящіе „Бенуа" и Новое Русское національное искусство. Разговоръ г. Бурлюка, г. Бенуа и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи"
С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
Велиміръ Хлѣбниковъ	3—23
Давидъ Бурлюкъ	27—57
Николай Бурлюкъ	61—66
Владиміръ Маяковскій	69—70
Алексѣй Крученыхъ	73—74
Бенедиктъ Лившицъ	77—78
Василій Каменскій	81—85
Игорь Сѣверянинъ	86—87

Рисунки: Александры Экстеръ 2 рис.; Давида Бурлюка: 1 рис. отъ руки цвѣтной, 2 литографіи; Владиміра Бурлюка: 1 рис. отъ руки цвѣтной, 6 литографій. Каталоги издательствъ.

рис. Владимiръ Бурлюкъ.

Цѣна 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТ. К°“
ФУТУРИСТОВЪ
„Гилея“

Херсонъ, Художественно-Электрич. тип. С. В. Поряденко.

8

